

83. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14. Л. 4 об.
84. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 27 об., 201.
85. Блинов М. Историко-статистический очерк... С. 61.
86. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 589. Л. 15.
87. Работы статистического бюро: Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии. Красноуфимский уезд // СПЗ. 1877. Кн. 5. Пермь, 1877. Отд. II. С. 26.

Е.Ю.Анкаримова

ЗАВОДСКИЕ ПОСЕЛКИ УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Материалы личного происхождения (воспоминания, путевые заметки, очерки, публицистика и, с определенной оговоркой, художественные произведения) являются ценными историческими источниками, позволяющими видеть исторические явления и процессы глазами современников и анализировать их в соответствии с принципом историзма. Так, изучая историю горнозаводского Урала, специалисты активно обращаются к творческому наследию Д.Н.Мамина-Сибиряка. «Обилие и разнообразие материалов, содержащихся в произведениях “тагильского цикла”, а также поразительная точность и глубина их оценки, данной писателем, — пишет, например, историк Т.К.Гуськова, — делают произведения Мамина-Сибиряка уникальным источником по истории Тагильского края как неразрывной части общей истории Урала и всей России (особенно в переходный период второй половины XIX века)»¹. По мнению и историков и филологов характерными чертами произведений Мамина-Сибиряка являются достоверность и публицистичность. Эти черты ярко проявились в романе «Горное гнездо», опубликованном в 1884 г., действие которого разворачивается в типичном для Урала горнозаводском округе, прообразом которого стал Нижнетагильский округ демидовских заводов. Очевидно, что глубокий реализм этого произведения основывался на знании истории горнозаводского Урала и истории Нижнетагильских заводов, в частности. «Такой «документализм» характерен для творчества Мамина-Сибиряка, — полагает критик и литературовед И.Дергачев, — Отправляясь в построении сюжета романа от очеркового эскиза, писатель слегка затушевывал связь художественного текста с реальными людьми и событиями»². Творчество писателя довольно достоверно отражает историю отдельных заводских поселений Ура-

ла, позволяя увидеть живые картины заводского быта. Сказалась и сама биография писателя, который родился в 1852 г. в одном из небольших заводских поселков — Висимо-Шайтанске, где было всего 236 дворов и около двух тысяч человек населения. Здесь он провел свои детские и отроческие годы, а в дальнейшем неоднократно приезжал туда из Екатеринбурга, где жил, будучи уже известным писателем. В Ключевском поселке из романа «Три конца» нельзя не узнать родину автора. «Показав в ярких образах и картинах положение и уклад жизни жителей Ключевского завода, Мамин-Сибиряк стал первым писателем (и историком!), выявившим особенности этой своеобразной социальной группы, сформировавшейся в специфических природных и исторических условиях уральского региона», — отмечает Т.К.Гуськова³. Писатель бывал и в других поселках Нижнетагильского округа: Черноисточинском, Висимо-Уткинском и Нижнетагильском. Все эти места нашли отражение в его творчестве. Отдельно следует сказать о связи Д.Н.Мамина-Сибиряка с Нижней Салдой, куда с 1876 г. переехала из Висима семья Маминых. Нижнесалдинский завод относился к числу наиболее крупных и передовых в техническом отношении демидовских заводов. Описание Нижней Салды — поселка с тринадцатитысячным населением — писатель дает на страницах повести «Сестры»⁴. Особый интерес для историков представляет очерк «Платина», впервые опубликованный в журнале «Северный вестник» в 1891 г., в котором отразилось многое грани таланта Д.Н.Мамина-Сибиряка — писателя, публициста, историка. Во многих отношениях интересно сопоставить очерки М.Мамина-Сибиряка с очерками и впечатлениями В.И.Немировича-Данченко и воспоминаниями П.П.Бажова, которые нередко совпадают тематически. Цель данной статьи — дать характеристику заводских поселений Урала во второй половине XIX — начале XX в. глазами современников, главным образом, на примере творческого наследия трех известных писателей: Мамина-Сибиряка, Немировича-Данченко и Бажова.

Возникновение на Урале заводской (окружной) системы расселения являлось предметом исследования историков. По мнению С.В.Голиковой, эта система «носила локально-дисперсный характер и имела свою специфику в типе заселения (завод — обязательно у пруда на реке, заводские деревни и села — на тракте, у завода, у пристани), в типе расселения (в соответствии с расположением промышленных объектов на территории округа), типе поселений (завод, заводские села и деревни, жители которых занимались обслуживанием металлургической промышленности края) и в форме поселений (наличие в

застройке производственных, общественных и жилых зданий, выход производственных строений в центр поселений)»⁵. Практически все признаки окружной системы и особенности заводских поселков как особого типа поселений называет Д.Н.Мамин-Сибиряк. Подчеркивая однотипность заводских поселений, он констатирует, что они были «похожи один на другой как две капли воды: заводской пруд, фабрика, контора, господский дом, базар, дровяная площадь, угольные валы, а там ряд улиц с обывательскими строениями»⁶.

Нижнетагильский округ демидовских заводов (под названием Кукарских) отчетливо вырисовывается в его романе «Горное гнездо». Под именем Кукарского завода легко угадывается Нижний Тагил — административный центр округа, который «являлся, таким образом, во главе всех заводов, их душой и административным сердцем, от которого радиусами разбегались по другим заводам все предписания, ордеры, рапорты и рапортички. Служить на Кукарском заводе, на виду у начальства, считалось завидной честью, о которой мелкая служительская сошка с других заводов иногда напрасно мечтала целую жизнь»⁷. «Округ Кукарских заводов, — пишет Мамин-Сибиряк, — занимал собой территорию в пятьсот тысяч десятин, что равнялось целому германскому княжеству или даже маленькому европейскому королевству. На этом громадном пространстве было разбросано семь заводов: Логовой, Исток, Заозерный, Мельковский, Баламутский, Кураж и Кукарский»⁸. За вымышленными названиями скрываются Нижнетагильские заводы: Озерский — Черноисточинский, Баламутский — Нижнесалдинский, Мельковский — Висимо-Шайтанский, а Исток — Верхнесалдинский. Вероятно, под горой Кураж имелась в виду гора Высокая, а Рассыпной камень стал прототопонимом горы Белой. Писатель достоверно и живо описывает природу этого края, исторические условия и среду, в которой жили его герои⁹.

Мамин-Сибиряк характеризует округ как единый, хозяйственный механизм: «Центр заводской тяжести распределялся по заводам, конечно, не одинаково. Главным заводом, в административном отношении, считался Кукарский, раз — потому, что это был самый старый и самый большой завод, во-вторых, потому, что он занимал центральное положение относительно других заводов. За ним, вторым, по важности, следовал Баламутский завод. Он занимал лесной, богатый топливом район и поэтому с каждым годом все шире и шире развивал свои операции. Остальные заводы служили дополнениями этих двух, переделывая черновое железо с Баламутского завода в сортовое. Заозерный существовал только благодаря богатому запасу воды,

которая служила неистощимой двигающей силой, а Кураж вырос около богатого железного рудника»¹⁰. В очерке «Платина» характеризуя природные богатства Тагильского края, наличие богатых рудных месторождений, платиновых и золотоносных россыпей, писатель заключает, что «природа дала здесь человеку слишком много, как нигде в свете»¹¹.

В этом же очерке писатель дает более детальную характеристику общего вида Нижне-Тагильского завода: «Когда поезд уральской железной дороги подходит к станции Тагил, перед вами разворачивается, единственная в своем роде, картина громадного завода, раскинувшегося по течению р. Тагила на несколько верст. Вы видите массу построек, белеющие церкви, и все это замыкается фоном из синюющих гор». Сравнивая Нижний Тагил с типичным провинциальным городом, писатель более привлекательно характеризует заводской поселок: «Небывалый в этих местностях человек испытывает недоумение, что это такое: как будто город и как будто не город. Собственно русские города производят впечатление какого-то захудалого и жалкой оголтелости, благодаря старинным церквям, запущенным барским домам и казенным зданиям. Последние наводят на свежего человека своим безнадежно-казенным видом такое уныние, что не знаешь, куда деваться. Общее впечатление преследует вас, как кошмар, и памятники благочестивой старины совершенно теряются в вихре «цивилизации». Расейские фабричные пункты, с другой стороны, поражают роковой комбинацией чисто фабричной бедности с фабричным великолепием. Ничего подобного не чувствовалось здесь, в этой широкой картине лучшего горного завода на Урале. Общий вид производит впечатление чего-то непривычно-бойкого, подтянутого, чистенького и бодрого, где жизнь бьет ключом»¹².

Побывавший весной 1899 г. в Нижнем Тагиле знаменитый ученый Д.И.Менделеев выразил о нем свое мнение: «Нижне-Тагильск — целый город, 32 тыс. жителей, с широкими улицами, с прекрасными церквями, с монументами на площадях, с пожарной каланчой на соседнем холме, как на многих заводах, а считается селом, хотя в нем одном три волости. Не сделан он городом, вероятно, по той причине, что состоит в посессионном владении рода Демидовых, и с городским устройством еще более запутались бы и без того сложнейше путанные отношения между владельцем, казною и жителями»¹³.

Безусловно, Нижний Тагил резко выделялся на фоне других уральских поселений. В «Очерке из жизни Среднего Урала» («Сестры»),

написанном во многом с опорой на знание быта заводского общества Нижней Салды, Д.Н.Мамин-Сибиряк дает описание облика более типичного горнозаводского поселка, расположенного в горной или плоской низменности, но обязательно на реке, формирующей заводской пруд, «по берегам которого и сгруппировались в длинные правильные улицы заводские домики, сопровождая реку далеко по ее течению вниз»; бросались в глаза каменные церкви, здания заводской фабрики и «несколько больших каменных домов, построенных в городском вкусе». По мнению писателя, такой завод «походил больше на небольшой уездный городок, чем на завод, если бы не громадная дровяная площадь, уставленная бесконечными поленницами, и несколько длинных угольных валов, около которых, как муравьи, копошились группы заводских рабочих». Мамин-Сибиряк обратил особое внимание на расположенный в конце плотины «отличный господский дом, выстроенный в русском вкусе, в форме громадной русской избы с высокой крышей, крытой толем шахматной доской, широким русским крыльцом и тенистым старым садом»¹⁴.

Над рабочим столом писателя висела фотография родного Висимо-Шайтанского завода. Висим стоял «в голове платинового дела». От промыслов до самого Висима было верст десять. Мамин-Сибиряк откровенно писал: «Издали Висим не поражает особенной красотой, как и вблизи — есть много горных заводов в десять раз лучше», «Висим, подаривший Европе платины миллионов на сто, является самым заурядным горным заводом с населением в 3-4 тысячи». Со всем иначе характеризовал он местный природный ландшафт: «Если что и красиво, так это то, что в Висиме сбегались три горных быстрых речки: Висим, Шайтанка и Межевая утка. Селенье залегло в горной котловине, в которой сливаются все три речки в одну последнюю»¹⁵. Впрочем, по свидетельству писателя, Висим со временем преобразился: «В крепостное время этот маленький заводик стоял последним, а сейчас, благодаря платине, превознесся. Явились раскрашенные дома, выросли десятки “магазинов”, вообще получился общий характер зажиточности и тугого мужицкого довольства. Вместо старой, деревянной, “господской” церкви строится новая каменная, уже своя, на свои трудовые гроши»¹⁶.

Другой известный уральский писатель П.П.Бажов сохранил в памяти «обрывки картин заводского быта за последние три десятка лет перед революцией». Его воспоминания и знания по истории Сысертских заводов значительно дополняют общую характеристику уральского заводского поселка. Отмечая особенности расположения завод-

ских поселений, Бажов использует фольклорный материал, приводя, например, слова из песни, которую пела «мастеровщина» о своем заводе и речке: «Здравствуй, матушка Сысерть, с крутыми горами! Здравствуй, быстрая река, с темными борами!». Он уточняет описание местности, в которой были расположены Сысертские заводы, отмечая: «Гор, правда, там нет, но небольшие увалы, отроги Уральского хребта, густо покрытые сосновым лесом, со всех сторон окружили завод и так ловко “стали” около речки, что дали возможность легко ее запрудить». Писатель отмечает, что на речке было четыре заводских пруда: Верхнезаводской — самый большой, Сысертский, на котором стоял главный завод округа, Механический и Ильинский. По числу прудов было и количество фабричных зданий. Верхний завод готовил в основном шинное, узкополосное и круглое железо. Ильинский завод «гнал кровлю». В Сысертском заводе, наряду с прокаткой сортового железа, работали доменные печи. Механическая фабрика обслуживала потребности завода в токарных и слесарных изделиях.

Бажову довольно отчетливо запомнился облик расположенного возле Верхнезаводского завода «маленького поселка, домов около семидесяти, из которых значительную часть составляли заводские дома: для управителя, надзирателя и т.д.». Вблизи Ильинского завода частных домов не было. Механическая фабрика вплотную примыкала к окраине Сысертского завода — «Рыму». По свидетельству мемуариста, все занятое в производстве население жило в Сысертском заводе, который широко раскинулся в северной части заводского пруда, а дальше тянулся по берегу Механического и в заречной части.

Все заводы окружали густые хвойные леса, в основном сосновые. По описаниям Бажова, были в них и совсем глухие места: «Например, верстах в двадцати от Верхнего завода участок “Храпы” представлял собой непроходимую тущобу, где водился медведь, волк, дикий козел и лось. Козлов и лосей было так много, что их иногда забивали на Верхнезаводском пруду во время перехода из “Храпов” к “Карасье-му”. Из “Храпов” лес обыкновенно брали только для каких-нибудь фундаментальных сооружений: на “мертвые брусья” к плотине, на матицы, на ледорезы. Брусники в борах за Сысертью было так много, что осенью за ней шли длинные обозы из “крестьян”. В заводской конторе за полтинник брали билет на право вывозки одной телеги брусники». Сосновый лес около Полевского завода смешивался с ельником, пихтой и лиственницей. Ельники были в «Саженом углу»,

верстах в тридцати от Полевского. Около Полевского встречались липняки. Места были настолько глухими, что еще в 90-х гг. XIX в. здесь велось бортовое пчеловодство самым древним образом.

Кроме заводских селений, в черте Сысертского округа было несколько рудников и приисков с возникшими около них поселками, жители которых в пору крепостничества именовались «горнозаводскими крестьянами» или «непременными рабочими заводов Сысертских». «Таковыми же “непременными”, — пишет О.П.Бажов, — они остались и потом, так как незначительные наделы и “неродимые” земли не давали им возможности кормиться только крестьянским хозяйством, заставляли работать на заводы: по добыче и доставке руды, возке угля, железа, чугуна и т.д.».

Бажов пишет о численности населения на местных заводах, отмечая, что в пору его детства в Сысерти насчитывалось около 12-ти тысяч населения. Кроме группы фабрик, расположенных по реке Сысерти, в состав округа входили Полевской медеплавильный и железоделательный завод — в сорока пяти верстах от Сысерти, и Северский чугуноплавильный и железоделательный — в сорока верстах. В Полевском считалось свыше 7-ми тысяч населения, в Северском — около 4-х тысяч¹⁷.

О.П.Бажов рисует живые картины действительности. «Между пятью и шестью часами утра и вечера, — пишет он, — на улицах завода движение. В это время происходила смена. Везде можно было видеть основного заводского работника — “мастерка”, как его звали». Писатель рисует портрет «мастерка»: «В рубаше и в штанах из синего в полоску домотканого холста, в войлочной шляпенке без полей, в пимах с подвязанными колодками, в засаленном коротком фартуке, быстро шел “мастерко” по заводским улицам. Обмениваясь друг с другом короткими приветствиями, шуткой, летучим матерком — иной раз угрожающим, иной раз безобидным». «Зимой, — уточнял писатель, — к летнему одеянию прибавлялся какой-нибудь полушубчишко или пальтишко из таких, которые не жаль было потерять из общей кучи, куда сваливалась верхняя одежда на фабрике. Колодки, похожие на деревянные коньки, прикреплялись к пимам обычно наглухо и уже с них не снимались. Некогда было после двенадцати часов работы у огня возиться со снятием колодок. Так и шли по улицам, как по фабричному полу, поднимая пыль летом, скользя по утоптаным дорожкам зимой и трамбуя грязь весной и осенью».

Рабочие Сысерти работали как на местном заводе, так и на соседних предприятиях: «Ходили на Ильинский листопрокатный завод и на

Верхний — железоделательный. Илинский был недалеко от Сысерти — верстах в двух от центра завода, до Верхнего же по тракту было восемь верст. Прямой дорогой через пруд было ближе — верст пять. Рабочие обыкновенно пользовались этой дорогой; летом их подвозили версты две по заводскому пруду на пароходу и грузовой барже. Пять верст ежедневной пробежки с неизбежными задержками летом при посадке на пароход прибавляли к рабочему дню лишних три-четыре часа, и положение верхнезаводских рабочих было самым невыгодным»¹⁸.

К особому социальному типу относил другой писатель «тагильского мастера». Восхищаясь в очерке «Платина» мастерами Нижнего Тагила, Д.Н.Мамин-Сибиряк свидетельствовал, что это была «настоящая, рабочая гвардия — народ все рослый, здоровый, ничего общего с захудалым расейским заморышем-фабричным не имеющий. Вы их встретите на вокзале всегда и невольно залюбуетесь. Других таких молодцов не найти. Лица смышленные, движения уверенные»¹⁹.

Яркие портреты горнозаводских людей разных профессиональных категорий дает писатель в романе «Горное гнездо», характеризуя заводских мастеровых, рудниковых рабочих и углежогов. Описывая приезд хозяина заводов в Нижний Тагил и встречу его пятитысячной толпой народа, писатель выделяет «видовые группы», на какие толпа распадалась естественным образом: «Основание составляли собственно фабричные рабочие, которых легко было отличить от других по запеченным неестественно красным лицам, вытянутым, сутуловатым фигурам и той заводской сажей, которой вся кожа пропитывается, кажется, навеки. Тут были простые поденщики, черноделы и рабочая аристократия». По его мнению, совершенно особенным типом был заводской фабричный, человек, «который в состоянии вынести нечеловеческий труд»: «Эти жилистые могучие руки, эти красные затылки, согнутые спины и крепкая, уверенная поступь были точно созданы для заводской работы. Каждая фигура была сколочена из одних костей и мускулов и дышала чисто заводской силой. На первый раз могло поразить то, что самые здоровые субъекты отличались худобой, но это и есть признак мускульной, ничем несокрушимой силы». В ожидании барина одеты они были по-праздничному: «Красные рубахи, накинутые на плечи чекмени и лихо надвинутые на одно ухо войлочные шляпы придавали фабричным рабочим вид записных щеголей, которые умеют поставить последнюю копейку ребром». Со всем иначе выглядели рудниковые рабочие: «Изнуренные лица, вя-

лые движения и общий убитый вид сразу выделяли их из общей массы, точно они сейчас только были откопаны откуда-то из-под земли и не успели еще отмыться прильнувшей к телу и платью желтой вязкой глины». Рудниковые рабочие рано «израблывались», лет в 35 уже поступая на содержание к своим детям. Вместе с тем, Мамин-Сибиряк затруднялся ответить на вопрос, «что труднее — работать «в горе» или в огненной работе». Помимо основных групп, выделяет писатель «черномазых углежогов», «транспортных», прозванных за свою отчаянность «соловьями», и всякий другой рабочий люд без определенной специальности²⁰. Бытописатель описывает традиционные народные обычаи, которыми сопровождалась встреча «барина» на заводе: «...На пяти заводских церквях разом загудели все колокола», народ устремился на паперть главной церкви, которая стояла посреди базарной площади, «там уже ждало духовенство во всем облачении, и народ набожно снял шапки», гостя ждала депутация с хлебом-солью у паперти. Когда дормез подъезжал к церкви «вся Студеная улица и площадь представляли собой настоящее море, которое кипело и бурлило каждый своим атомом. Гул колоколов и дружный крик тысячи людей слились в один протяжный стон»²¹.

Весьма приятное впечатление Нижний Тагил и его жители произвели на В.И.Немировича-Данченко, проезжавшего в 1875 г. по Уралу. «В Тагиле, — писал он, — до сорока тысяч населения, из них четвертая часть живет, исключительно, заводским делом. Я не ошибусь, если скажу, что до такой степени развитой в умственном отношении народ мне попадался только на мальцевских заводах, да на далеком севере, в Поморье».

Социокультурный портрет тагильца, нарисованный .Немировичем-Данченко, представляет особый интерес: житель Нижнего Тагила, по его словам, «старается быть чисто одетым, хорошо держится и, вообще, мало похож на рядом живущего уральского мужика, даже на тут же бок-о-бок потеющего под огнем выйского мученика. Ругань здесь не в обычае, и нецензурные слова не слышатся на каждом шагу, как в других местах нашего в этом единственном отношении весьма либерального отечества. Тагильцы очень вежливы друг с другом, о драках у них не слыхать. Люди тут себя “соблюдают в аккурате”, и с первого взгляда вы замечаете уже в них некоторую выдержку»²².

Впрочем, указал писатель и на некоторые общественные пороки: «Тагильцы, вообще, кажутся на Урале несколько высшей расой, хотя те же развитые люди вовсе не считают преступлением, например,

кражу золота, платины, железа. Это своего рода подвиг, молодецство. Им хвастаются и между собой вовсе уже не скрывают. ...Оказалось, что похищение этих металлов здесь весьма вежливо называют «переводом». Народ, вообще, ловкий»²³.

Обратил В.И.Немирович-Данченко и на особенности праздничной культуры тагильцев, в том числе на некоторые элементы городского быта. В частности, рассказывал он о времени «каникул», которые каждый завод в конце лета давал рабочим на полевую страду, косьбу и другие хозяйственные дела, и эти месяц-полтора являлись для них вполне праздником. «Бабы, — пишет очевидец, — надевают лучшие платья — глаза слепит от них; мужчины не отстают и щеголяют напропалую. Нанять в это время никого невозможно, даже за тройную цену. Работы приостанавливаются». Как неотъемлемый атрибут праздника упоминает Немирович-Данченко танцы: «Тагильцы во время страды, по вечерам после работы, собираются и под музыку открывают даже что-то вроде балов. Бабы и парни пляшут «по-городскому». Хороводов не водят, давно от них отстали. «Помилуйте, мужицкое дело!»²⁴. Еще одним проявлением городского образа жизни можно назвать наличие клуба в Нижнем Тагиле. Побывав в летнем помещении тагильского клуба, выстроенном при «господском саде», где главным образом гуляла местная публика, Д.Н.Мамин-Сибиряк делился впечатлениями: «День был серенький, музыка не играла, а потому и публики в саду гуляло очень немного. Свои заводские служащие с семьями, железнодорожные инженеры, купчики, — в общем скромная публика, которая разошлась с наступлением темноты по домам. Клуб помещался в трех комнатах: контора, бильярдная и буфет. И тут публики было очень немного: двое играли на бильярде, в конторе винтили за двумя столами, а в буфете за одним. Вообще, интересного немного, а дам и совсем не было, да и места подходящего для них не полагалось»²⁵.

Значительно позже общественные праздники и обычаи жителей Нижнего Тагила в конце XIX — начале XX в. стали предметом специального профессионального внимания В.Ю.Крупянской и Н.С.Полищук, выявивших в них черты городского и крестьянского быта, что было обусловлено спецификой горнозаводского поселка. Например, указывая на долгое сохранение в Нижнем Тагиле элементов аграрной обрядности, в частности зимнего и весенне-летнего циклов, они отмечали, что и эти обряды впитали в себя ряд городских черт, таких, как святочные маскарады, масленичные балаганы, карусели, катание на лошадях и пр. Нижний Тагил был известным религиозным цент-

ром, притягивавшим к себе особенно в большие христианские праздники жителей из окрестных сел. Своими особенностями отличались престольные праздники, в целом выдержанные в сельских традициях, но сопровождавшиеся отдельными элементами городских гуляний. К ним относились: «иллюминация» Гальянки, торговля сладостями на Лисьей горе, катание на лодках и пр.²⁶

Более высокая грамотность на Урале была характерна для городского населения. Однако и здесь Нижний Тагил не отставал от городов. В.И.Немирович-Данченко отмечал «почти поголовную грамотность» среди тагильчан, описывал механизм достижения такого результата. По распоряжению местной конторы все заводские рабочие, не умевшие читать и писать, должны были посещать школу. Через некоторое время оставшиеся «в прежнем состоянии неведения древа познания», изгонялись с завода. И мальчики, и взрослые, посещавшие учебные курсы, получали за это деньги, как за рабочий день. Эта мысль обязательности обучения грамоте (с зачетом рабочего дня), как и ее практическое воплощение, принадлежала Кронебергу и Нитте. В школу, рассчитанную на 80 учеников, приходило до 300 человек. Обращали на себя внимание случаи прихода в школу шестидесятилетних стариков. Тогда уже задумывалось открытие в Нижнем Тагиле высших технических школ. С учетом подверженности края расколу школьная программа здесь была несколько скорректирована — класс закона Божия заменялся рассказами из Священного Писания, Евангелия и житийной литературы. Школьное дело успешно развивалось и имело практический характер. При школах, устроенных в рудниках, имелись все инструменты рудничного дела. Если при маленьких заводиках не хватало места, школа устраивалась даже в оставленных сушильных больших печах. Кроме этих начальных училищ, в нижнем Тагиле действовали народные школы с четырехлетним, реальное с шестилетним и женское училище — тоже с шестилетним курсом. Практическая специализация в реальном училище осуществлялась в последние два года, когда каждый воспитанник должен был избирать себе специальность: лесную, заводскую, горную или бухгалтерскую. Окончивших курсы брали в окрестные заводы (Алапаевские, Пядинские) «за высшее вознаграждение». Местное управление этому не мешало. На народное образование тратились значительные средства — ежегодно по всему Тагильскому округу на него расходовалось около 95000 руб. (земских и владельческих). Обучение было везде бесплатным, а семьям бедных учеников даже оказывалось пособие (в совокупности на это ежегодно шло 2000

руб.). В результате развития образования грамотность в Нижнем Тагиле, свидетельствует Немирович-Данченко, «подвинулась настолько, что рабочие читают, и довольно усердно, газеты, понимают их; не редкость у них найти книгу и, разумеется, не ту гниль и глупость, какие по лицу земли Русской распространяют гг. Леухины, Манухины, а нечто, обнаруживающее уже несколько пробудившийся вкус...»²⁷. Вся эта характеристика относилась именно к собственно заводскому населению, в ином положении находились хлебопашцы.

По сравнению со многими другими населенными пунктами Урала Нижний Тагил отличался лучшей благоустроенностью. Тот же В.Немирович-Данченко констатировал: «Тагильцы и живут гораздо чище других жителей уральских сел и городов. Даже гигиенические условия их обихода — иные. Весь Тагил разбит на участки, и ежедневно смотрители обходят свои участки, наблюдая за чистотой во дворах, в домах. Об осмотре записывается в бланк, выдаваемый домохозяйину. Причем отмечают неисправности, которые немедленно должны быть устранены»²⁸.

Еще одним ярким показателем культуры тагильцев было развитие медицинского обслуживания. В местной больнице «не было отбою от желающих лечь в нее». «Лекарства, — следует из рассказа современника, — прописываются медиком, принимаются точно, советы выполняются буквально. Доверие — полное. При малейшем недомогании рабочий идет к доктору. Вместе с врачами здесь работают ученики и фельдшера. Те и другие — из местной фельдшерской школы, куда они поступают, окончив реальное училище». Главным профессором фельдшерской школы был Рудановский. При Нижне-Тагильской школе было отделение фельдшериц, первый выпуск его учениц состоялся в 1870 г.²⁹.

При характеристике уровня благоустройства Нижнего Тагила конца XIX в. впечатления В.И.Немировича-Данченко во многом совпадали с положительными отзывами Д.Н.Мамина-Сибирика: «От вокзала ведет прекрасно вымощенная своим заводским шлаком широкая улица... Заводское предместье, благодаря железной дороге, заметно обстраивается, и по сторонам то и дело мелькают новые крыши, новые ворота и новые дома — именно, дома на городскую руку, а не избы, как строились здесь до железной дороги. Улица выводит на возвышенность, увенчанную великолепным зданием заводского госпиталя. Отсюда лучший вид на весь завод, раскинувшийся по течению р. Тагила чуть не на десять верст. Собственно перед вами два завода — Нижнетагильский и Выйский, но они совершенно срослись, и разде-

ляющая их граница давно исчезла. Река Тагил извилистым течением обходит гряды невысоких холмов, сплошь засажённых всевозможными постройками». Перечисляет писатель главные здания и сооружения Нижнего Тагила, одновременно характеризует особенности природного ландшафта: «Выделяется издали белая глыба главного заводоуправления, голая Лисья гора с белой каменной башенкой на вершине, громадная Выйская церковь с фамильным склепом заводладельцев, новенькая церковь на Гальянке, построенная в память освобождения крестьян от крепостной зависимости, громадный заводской пруд, вытянувшийся на целых десять верст, громадная заводская фабрика, залегшая между Лисьей горой и заводоуправлением, а в глубине чуть виднеется знаменитый Медный рудник и еще более знаменитая Высокая гора, состоящая из сплошной глыбы лучшего в свете магнитного железняка, весом в 35 миллиардов пудов. Вообще, картина получается самая импонирующая: это самый большой горный завод в целой России»³⁰.

Нередко в центрах заводских поселений (на площадях) устанавливались памятники императорам и заводоладельцам. Так, по свидетельству Д.Н.Мамина-Сибиряка, Нижний Тагил украшали два памятника: «На госпитальной площади, влево от дороги, стоит довольно массивный чугунный памятник Андрею Николаевичу Карамзину, сыну известного русского историка. Этот Карамзин был вторым мужем бабушки нынешнего заводладельца и пропал без вести в крымскую кампанию на какой-то кавалерийской атаке. На заводах о нем сохранилась самая лучшая память, как о человеке образованном и крайне гуманном, хотя он и являлся здесь случайным ...старожилы вспоминают о нем с благоговением, что и понятно, если принять во внимание жестокие заводские порядки крепостного времени. ...Перед зданием заводоуправления на главной заводской площади, наполовину заваленной дровами, красуется другой памятник, меценату Николаю Николаевичу Демидову. На каменном цоколе стоит большая фигура Демидова, перед ним коленопреклоненная фигура какой-то музы или гения. Демидов особенно старался насадить на заводах плоды западноевропейского просвещения»³¹.

Современник отметил еще одну достопримечательность — Выйский заводской музей, «как учреждение в своем роде единственное, по крайней мере, ничего подобного на других заводах не полагается». Музей мог быть интересен как профессионалам заводского дела, так и не специалистам: «Собственно для публики, не посвященной в горнозаводскую технику, главный интерес представляют коллекции

постепенной выработки главных заводских продуктов, как чугун, железо, сталь и медь. Для специалистов интересно посмотреть сорта железа, выделяемые Тагильскими заводами — их счетом больше 2000». Самого писателя заинтересовала музейная коллекция сопутствующих платине пород. Интересной считал он также коллекцию тагильских медных руд и малахитов³².

Отметил писатель и проявления модернизации, технические новации, которые активно внедрялись в производство во второй половине XIX в. Ему удалось осмотреть только что поставленную на Выйском заводе новую плавильную печь американского типа, так называемую «печь в водяной рубашке». Обыкновенные печи для плавки меди устраивались из кирпича, а поэтому занимали много места, выгорали и требовали усиленного ремонта, а «американка» была «вся устроенная из железа, т.е. стенки печи сделаны двойные, а между ними пропущен охлаждающий слой воды, благодаря чему плавка происходила правильнее и выгоднее, и «рабочие не жарились заживо у огня». Он заключал, что Тагильские заводы «идут впереди всех других своих собратьев по части различных технических усовершенствований, как бессемеровский способ производства стали», внедрения в производство уральского каменного угля³³.

Очевидец отметил наличие достаточно развитой дорожной инфраструктуры: «Между заводами в тагильской даче, не в пример другим, проведены настоящие дороги — с канавами, мостами и даже шоссировкой некоторых, особенно убойных мест. Такая дорога ведет из черной в Висимо-Шайтанский завод, или сокращенно Висим»³⁴.

Однако, несмотря на признаки урбанизации, в досоветское время Нижний Тагил так и не получил официального статуса города. Он стал городом только в 1919 г. Между тем, на Урале существовали промышленные центры, которые по многим социально-экономическим и демографическим показателям резко уступали Нижнему Тагилу, но имели статус городского поселения. Дедюхинский солеваренный завод был основан в последней четверти XVII в. иноками Пыскорского монастыря на земле Строганова на левом, низменном берегу р.Камы. С 1764 г. Дедюхинский завод со всеми землями перешел в казну и находился в ведении Соликамской воеводской канцелярии. С 1780 г. он был причислен к Пермскому наместничеству, а с 1805 г. поселение при нем получило статус горного города с подчинением горному ведомству. Еще в середине XIX в. Дедюхин назывался «столицей солеваров», но потом первенство в соляном деле перешло к Усолю, расположенному на противоположном берегу Камы³⁵. В.Немирович-Данчен-

ко, проезжая в 1875 г. по Уралу, побывал и в краю солеваров. У него осталось «сумрачное, неприятное впечатление» от этих мест в целом, включая их столицу Усолье. В отношении Дедюхина путешественник вообще удивлялся, почему это поселение названо городом. Так, В.Немирович-Данченко писал: «Чем ближе к Усолью, тем вид берега становится все темнее и печальнее. ...По обоим берегам, черные издали, соляные амбары, соединенные черными, холодными галереями. Черные колоссальные варницы, рисующиеся на сером фоне неба... Правее, на противоположном берегу, видна Ленва с такими-же черными соляными амбарами и варницами. А еще дальше едва отделяется от покрытого тучами неба белый силуэт дедюхинской церкви и само Дедюхино. Все безотрадно, уныло»³⁶. Земля в этом округе была болотистой или же представляла собой солончаки и песчаники. Такие земли были непригодны для хлебопашества и использовались для соляного промысла. В частности, Ф.П.Доброхотов отмечал географические особенности этих мест: «Во время больших весенних разливов Камы Дедюхин представляет собой настоящую Венецию: он почти весь затопляется и сообщение между жителями происходит на лодках, которые причаливают прямо к дверям или окнам домов»³⁷.

Что собой представлял город Алапаевск в пореформенный период видно из другой газетной заметки, написанной «одним обывателем» и опубликованной также в «Екатеринбургской неделе». Ее автор констатировал: «Наш город, заключающий в себе, как известно, Нейво-Алапаевский завод наследников С.С.Яковлева, принадлежит к числу главнейших центров Верхотурского уезда. В нем имеется до 6 тыс. населения и живут все предрежащие власти округа, за исключением мирового посредника, почему-то переселившегося в соседний Нейво-Шайтанский завод». Он отмечал, что в городе действовали две народные школы (мужская и женская), не имевшие общественных домов, помещавшиеся в съемных квартирах. В Алапаевске ежегодно устраивались три значительные по объему

торговли ярмарки: Алексеевская (в марте), на которую съезжалось по пути домой много торговцев с Ирбитской ярмарки; Михайловская (в начале ноября) и «наименьшая из трех» Троицкая (перед днем св. Троицы). С горечью современник писал: «Кроме этих ярмарок торговля в Алапаевске, точно также, как и общественная жизнь в Алапаевске, находятся в застое. Застой этот нарушается только происшествиями уголовного характера, неторгового, а подчас и торгового свойства». Обратил внимание он и на негативные явления социальной жизни алапаевцев: «Население Алапаевска по преимуществу заводское, полу-

чающее сравнительно незначительное жалование (за исключением управляющего, его помощника, управителей, бухгалтера и вообще главных служащих — труд которых оплачивается щедро). Если иному способному мастеровому и удастся получить хороший заработок, то не иначе как тяжелым, подчас непосильным трудом. Алапаевцы, подобно остальному заводскому люду, любят отдыхать за шкаликом вина, тратя на него не только излишек, но часто и весь заработок. Трактиров и гостиниц у нас, правда, нет, — но зато есть множество кабачков и разного рода портерных. У нас пьют также бабы, пьют и ребятишки»³⁸. Впрочем, пьянстве писал и Мамин-Сибиряк. О том, «насколько водка является царюющим злом на промыслах», «ясным доказательством», по мнению писателя, служил Висимо-Шайтанский завод. «Достаточно указать на тот изумительный факт, что в Висиме, — сообщал он, — ежегодно пропивается больше 70 тысяч рублей, что при 700 дворах составит кругленькую сумму в 100 руб. на каждый двор. Конечно,...им помогают “чужестранные” рабочие. А сколько пропивается старательских денег в Тагиле, в черной и у лямошников — не усчитает никакая статистика. Сильно пьют и много пьют, как вообще на промыслах, потому что и горе, и радость, и самый труд выражаются здесь в более интенсивных формах, чем при земледельческом труде»³⁹.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что в целом горнозаводские поселки России во второй половине XIX — начале XX в. самими современниками рассматривались как особый тип поселений с элементами городского быта. На протяжении рассматриваемого времени наблюдались общие тенденции, связанные с прогрессивными изменениями в социально-бытовой инфраструктуре, улучшением благоустройства, развитием экономики и культуры заводских поселений. Горнозаводские поселки росли, ускорялись темпы их застройки, открывались новые культурные учреждения, наблюдались изменения в архитектуре. Большую роль играли локальные особенности, обусловленные историческими традициями, спецификой социально-экономического, демографического и социокультурного облика отдельных поселений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гуськова Т.К. Д.Н.Мамин-Сибиряк и Тагильский край. Нижний Тагил, 2003. С. 14.

2. Там же. С. 47-49; Дергачев И.А. Д.Н.Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск. 1981. С.95.

3. Гуськова Т.К. Указ. соч. С.12.
4. Там же. С.3-5.
5. Голикова С.В. Культура горнозаводского населения Урала XVIII-XIX вв.: жизнеобеспечение, ритуалы, религиозные верования. Дисс. ...докт. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 75-76.
6. Там же. С.71.
7. Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. Свердловск, 1962. С.52-53.
8. Там же. С. 52.
9. Гуськова Т.К. Указ. соч. С. 54-55.
10. Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. С. 52-53.
11. Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи, очерки. Свердловск, 1947. С.346-348, 394.
12. Там же. С.332-333.
13. Менделеев Д. В Нижнем Тагиле // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С.91.
14. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полн. собр. соч. Екатеринбург, 2002. Т.1. С.481, 194.
15. Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи, очерки. С.401.
16. Там же. С.404.
17. Бажов П.П. Дальнее-близкое. Свердловск, 1989. С. 8-10.
18. Там же. С. 25-26.
19. Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи, очерки. С.333.
20. Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. С.91-93.
21. Там же. С.96-97.
22. Немирович-Данченко В. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890. С.704-705.
23. Там же. С.705.
24. Там же. С.706.
25. Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи, очерки. С.342-343.
26. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). С. 153-166.
27. Немирович-Данченко В. Кама и Урал (очерки и впечатления). С.706-708.
28. Там же. С.708.
29. Там же. С.708-710.
30. Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи, очерки. С.334-335.
31. Там же. С.335.
32. Там же. С.336-337.
33. Там же. С.337. 348.
34. Там же. С.359.
35. Дедюхин // Энциклопедический словарь. Т.Х. СПб., 1893. С.277; Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный. Справочная книга. Петроград, 1917. С.357-358.
36. Немирович-Данченко В. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890. С.170-171, 184-185.
37. Доброхотов Ф.П. Указ. соч. С.358.
38. Екатеринбургская неделя. 1879. 14 ноября. № 17. С.22.
39. Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи, очерки. С.338.